

Хунтурук

Владимир Аникин

Несмотря на первую русскую революцию, начало двадцатого века выдалось в стране богатым на географические экспедиции. Особенно по освоению азиатской части и севера Российской империи.

Владимир Клавдиевич Арсеньев в 1906 году прошел хребет Сихотэ-Алинь и береговую полосу Амура. В 1907 году он продолжил исследования к северу от залива Джигит (Рында) и к западу от рек Иман и Бикин. В 1908 году завершалась китайская экспедиция во главе с Карлом Маннергеймом, организованная Генштабом России и начатая еще в 1906 году. В том же 1908-м задумывалась также новая экспедиция Арсеньева. Да с большим размахом: если на предыдущую давали три тысячи рублей, то на эту, в связи с 50-летием официального присоединения Приамурского края к России, — все пять. Так как деньги давал Штаб военного округа, то и цели были военно-стратегические и колонизационные. Границами района экспедиции Арсеньеву определяли нижний Амур — пролив Невельского (Татарский) — реки Хор и Самарга. Магнат Рябушинский на исследование Камчатки пообещал двести тысяч!

Выехал и этнограф Алексей Алексеевич Макаренко по Катанге, верховью Подкаменной Тунгуски. Императорское Русское географическое общество дало средства еще в 1907 году — на изучение расселения, образа жизни, шаманства и обычаев эвенков. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге заказал коллекции.

В седьмом году проехал Макаренко гужевым транспортом в селение Панолик, оттуда на лодке проплыл до устья Подкаменной Тунгуски, а по Енисею вернулся в Красноярск. В восьмом же году хотел подняться с тунгусами по реке Чуне. С собой брал лоцмана Павла Трефильевича Воронова, фотографа Константина Александровича Масленникова и старшего урядника Николая Харитоновича Ефремова. Вышли в марте, на месяц раньше, чем в прошлый год. Но сразу все не заладилось — эвенков не было. Объясняли, что из-за эпидемии оспы те откочевали, чтобы не заразиться от русских.

Наконец дошли до тунгусских стойбищ, но увидеть камлание не удалось. Шаман Полигус был пьян, более того — в запое. Двинулись дальше по реке. Собирали материалы для коллекций. Только в середине мая шаман Хинкорча два дня камлал для Алексея Алексеевича. А еще через день шаман с братом выковали для музея образец старинной тунгусской брони «хольдэ». Затем эвенки начали сворачивать стойбище — мол, комары закусали оленей, надо отходить к северу.

— Что ж такое? — сердился Макаренко. — Как будто бегут они от нас...

Ефремов ближе других сошелся с инородцами. Помогал им ковать броню, по хозяйству подсобил. Вообще от работы не отказывался. Когда уходили тунгусы с оленями, шаман ему шепнул:

— Уходите, домой, домой. — Он по-русски плохо говорил.

ФАНТАСТИКА

- Что ж так?
- Хунтурук придет.
- Кто он?
- Они.
- И много их?
- Мало-мало. Но придет.

Экспедиция дошла до Байкита. Там стало ясно, что лодка, груженная местными экспонатами и редкостями, четверых не возьмет. Макаренко решил переговорить со старшим урядником.

— Николай Харитонович.

Молодой человек зарделся:

— Что вы меня по отчеству — просто Николай.

Этнограф объяснил ситуацию и добавил:

— Все лето еще впереди. Не могли бы вы пройти по Катанге вверх, на лодке или лошадь. Я дам вам денег, а вы поищите еще чего для коллекций. А к осени возвращайтесь.

Молодому казаку такое понравилось. К местным он относился по-доброму, лошадь у него была справная, да и воля выходила — езжай куда хочешь, сам по себе. Николаю и согласился.

Вечером отправились на камлание к шаману Кормилу Парченову, пришедшему с Панолика. Шаман русский язык знал неплохо, показал родовую куклу «мойдычан», переходившую от деда к отцу и внуку. После камлания получил деньги, попрощался со всеми, а Николаю тихо сказал:

— Не ходи по Катанге. Хунтурук, однако, будет.

— Много их? — как о чем-то хорошо известном спросил юноша.

— Много, — с тревогой ответил старик и многозначительно посмотрел слезящимися глазами. — Симтудя там.

«Много, мало», — раздумывал озадаченный Ефремов. Хотел посоветоваться с Макаренко, а потом решил, что этнограф примется разыскивать этих хунтуруков и не будет ему вольницы. Спросил только:

— Алексей Алексеевич, что за симтудя такая?

Этнограф переспросил пару раз, задумался.

— Слово эвенкийского языка, но диалектное. Означает что-то вроде «большой медный котел».

Казак решил, что котел не страшно. А еще решил, что хунтуруки, видно, племя, враждебное тунгусам. В одни места заходят редко, поэтому первый шаман и сказал, что их мало. А Парченов много повидал и знает, что хунтуруков куда больше — много, в общем. Это успокоило, и выехал старший урядник диковины инородческие искать.

В первый же день пути встретил тунгусов Полигуса. Обрадовался, что знакомые, заговорил. Оказалось, что шаман Полигус из запоя так и не вышел, умер. Другого шамана в племени не было. Старшим шел Дюлекан. Он сказал:

— Я на север не пойду. Южнее уйду. Хунтурук боюсь.

— Ладно все будет, — храбро выпалил казак.

Дюлекан посмотрел на него. Смотрел долго, о чем-то томительно размышлял. Потом порылся в складках одежды, достал мешочек, протянул Николаю:

— Возьми. Это хунтурука, от шамана осталось. Может, тебе надо будет.

Николай в мешочек заглядывать не стал, просто в седельную суму положил.

К середине июня Ефремов далеко уже вверх по Катанге поднялся, только местные как пропали. Стал он от реки уходить, к тайге жаться — нельзя же было с пустыми руками вернуться. А однажды утром воду на костре кипятил, а тут как жажнет где-то в небе! И будто ураган пронесся. Лошадь сорвалась и не побежала даже, а давай метаться. Чудо чудное, диво дивное! Что такое? А потом успокоилось все, и через пару дней стало казаться, что пригрезилось. Только вдали дым был виден — наверное, тайга горела.

И вот как-то к полудню едет Ефремов и мерещится, будто кто-то заиграл на тунгусском кэне, который другие народы кто хомусом, кто варганом зовет. Прислушался — а звук рядом где-то. Потом смекнул, что вроде как из седельной сумки играет, а точнее, из мешочка шаманского. Подумал Николай и поостерегся открывать. Поехал дальше — звук стал тише.

Тут старлица речная на пути, и Ефремов понял, что объезжать ее надо с другой стороны. Начал возвращаться — снова хомус загудел. Страшновато стало, но любопытно. И давай Николай так лошадь направлять, чтобы звук громче становился. И верно ведь — все громче и громче играет! Уже хорошо слышно из сумы. И вдруг — вроде как плачет кто. Смотрит — точно: мальчонка тунгусский лежит и скулит. Николай с ним заговорил, а тот понять ничего не может. Инородец, что с него возьмешь. Стал его поднимать, а тот стонит, но показывает на суму. Ефремов задумался, потом сообразил.

— Твое? — Вынул и отдал мешочек шаманский. — Бери.

Малец мешочек развязал, пошарил в нем. Достал что-то вроде незамысловатых игрушек: камешки какие-то, палочки, дощечки. Два камешка паренек за щеку сунул — верно, припрятал. С дощечкой играть стал — сразу звук раздался, как будто горловое пение. До Николая только тогда дошло, что хомус-то давно затих. Тунгусенок вдруг залопотал что-то и стал рукой махать в сторону.

— Туда хочешь? — Николай тоже рукой показал, парнишка кивнул. — Я доведу.

К вечеру чум увидели. Станный чум, чем-то серым обтянутый. Не шкуры олени, не кора, не мешковина. Урядник удивился даже: почему чум один, где племя остальное? Когда ближе подъехал, выбежали два тунгуса, тоже мелкие какие-то. Сначала подумалось, что братья. Или сестры — кто их, нерусей, разберет. Но принялись хлопотать как взрослые. Стало быть, отец с матерью. Потасили мальчика в чум, а Николая не пустили. В чуме что-то мерцало и негромко урчало. Путешественник наш неподалеку расположился и все размышлял: что за тунгусы, на тунгусов не похожие? И тут он понял: это же хунтуруки! Вот, значит, они какие.

Неделю прожил рядом с чумом. Парнишка поправлялся быстро. Разговаривать пробовали. Старший урядник считал, что не его великодержавное дело инородческие языки учить. Пусть хунтурук учит. И тот дня через три залопотал. Пытался назвать себя, но Ефремов твердо ему внушил:

— Ты — хунтурук.

И тот согласился. Хунтурук, так хунтурук. Сказал, что на небо уйдет.

— К верхним людям? Рано тебе помирать еще, пацаны совсем.

Тот вроде опять согласился. Но сказал, что жить на небе будет. Там у вроде малого стойбища. А где-то еще дальше на небе — большое стойбище.

— Креститься тебе надо, — заключил православный казак. — Тогда и не будешь чужь городить.

В сторону тундры местный Николая не пускал, отговаривал — там, мол, опасно. Видно, за родню переживал. Это не было в диковину, эвенки тоже не любили, когда у них что выглядывали. А потом Николай разглядел котел большой за сопкой — симтудя ихняя! Небось какое место шаманское, куда чужому ходу нет. Казаки говорили, что за осквернение святынь в тундре и убить могут. Или порчу навести.

— Бережешь ее, симтудю свою? Всегда она здесь?

Хунтурук отвечал, что они здесь недавно. Котел их испортился «Верно, прохудился», — смекнул Николай. Надо топливо.

— Бери, лесу вон сколько хочешь.

Однако по словам хунтурука выходило, что лес для котла не годится — они ходят за другим топливом куда-то.

Через неделю стал Ефремов собираться. Взять для лекций было нечего, хотя он и просил что-нибудь. Когда прощались, хунтурук дал изделие из непонятного материала. Наверное, мамонтова кость. И сказал:

— Будет плохо, позови.

К осени вернулся Николай Харитонович из своего путешествия. Отдал добытое Макаренко, и тот был рад. А мамонтовую вещицу Коля себе оставил. Как-никак личный подарок. Да и вообще про хунтуруков ничего рассказывать не стал — мало их, беззащитные они. А какие у них с тунгусами нелады, так это их дело.

В четырнадцатом году грянула большая война. Сотник Ефремов в составе двадцатого корпуса наступал в полосе Первой армии. Сначала все складывалось очень хорошо. Потом стали отступать. Зимой попытались было снова идти вперед. А затем в конце января попали под немецкое наступление. Уже были в составе Десятой армии генерала Сиверса. Корпус погибал в окружении. Казачий полк состоял при штабе корпуса и собрался на северном берегу реки Волкушек. Враг бил из пулеметов и винтовок, но казаки рассыпались лавой и бросились на прорыв на запад, вдоль речки. Прорыв вначале казался удачным, однако на пути встало растаявшее болото. Кто-то прорвался, а Николай Харитонович свою полусотню повернул назад. Ушли в лес. Из окружения так и не выбрались. Через день соединились с арьергардом под командой начальника штаба 27-й дивизии. Бойцов было тысячи две, да пулеметов и батарей по восемь.

Стемнело. Обойдя своих казаков, Ефремов присел думать невеселую думу. Корпус практически погиб, он со своими людьми в окружении. Даже если кто-то прорвался, есть ли силы у русских частей, чтобы вызволить их? Холодало. Луна к полуночи странно пожелтела и светила зловеще. Хотелось есть. Сотник стал шарить в заплечном мешке в поисках завалыша сухаря, но за последнюю неделю боев без обозов подъелось все подчистую. Вдруг нашарил что-то. Найденный предмет на ощупь походил на кусок высохшего хлеба, но запутался в нитках и выпутываться не хотел. Наконец удалось извлечь вещь за божий свет, и оказалась она старым тунгусским талисманом. Николай и не понял сразу, что это. А потом припомнил мальчонка-хунтурук.

— Где ж ты? — вздохнул Ефремов. — Вот стало плохо. Даже если позову тебя, чем поможешь?

Продрог казак, придремал. И грезится, будто из чащи тот паренек-инородец крадется. Совсем такой же, как и был. И манит за собой. Поднимается Николай и за ним идет молча. Проходят с километр, а там, на прогалине, котел их стоит. И скорее даже не котел, а сковорода перевернутая. Только без ручки. И пар от нее идет. Зовет инородец его внутрь.

— Вывезу тебя в безопасное место.

А сотник говорит:

— Да как же я без людей своих?

И вдруг сон слетел, а он и вправду на поляне рядом с котлом и тундраком стоит.

— Свят-свят! А ты здесь откуда?

— С неба. Полетели!

— Нет, без казаков своих я никуда. Нешто я их брошу? Не по-казацки это.

— Всех не вывезем.

— Да как ты, тундра, меня вывезешь на сковороде?

— Это самолет, — пояснил хунтурук.

— Час от часу не легче. Откуда ж у тебя самолет? Да и выглядят аэропланы не так.

— Времени нет объяснять. Подожди.

Ночной гость полез в свой котел-сковороду, а Ефремов задумался: «Может, я помер во сне? Хунтурук сказал, что он с неба, а у тунгусов к «верхним людям уйти» означает помереть. Может, он меня на тот свет зовет? Да как же так, он ведь нехристь...»

— Ты крестился, что ли? — крикнул Николай и сам испугался своего голоса в тихом ночном лесу.

Хунтурук вернулся и сказал:

— Ты мне помог — я тебе помогу. Искать меня будут, плохо говорить мне будут, но помогу. С рассветом на прорыв пойдете, на большой город.

— На Гомель?

— Да. На город. Пойдете вдоль железных путей.

— Неудобно там. Мы открытые будем. Перебьют. Лесом сподручнее.

— Мы в лесу не поможем. Открытое место надо. Топлива мало, но там выведем.

— Я здесь не начальник. Здесь повыше меня чины имеются. Как я скомандую вдоль железной дороги выходить?

— Думай. — Хунтурук напрягся, у сотника в мозгу словно засвербело. И вдруг инородец совсем четко по-русски сказал: — Прояви смекалку казацкую.

За час до рассвета Ефремов пришел к начальнику штаба.

— Казак наш приходил через линию фронта. Сказал, прорываться на Гомель надо вдоль железной дороги. Нас там ждать будут. И помогут встречной атакой — огнем наш выход прикроют.

Начштаба засомневался:

— А где казак?

— Обратно ушел, ему до рассвета надо обернуться, подтверждать, что на прорыв пойдём.

— Ты, сотник, не имел права сам такое согласовывать!

— Да я и не согласовывал, ваше высокоблагородие. Мне было сказано приказ передать.

Полковник собрал старших офицеров и с ними побеседовал. Потом подозвал Николая:

— Нет у нас другого пути, как поверить тебе, сотник. Похоже, на смерть идем. У немцев вокруг большие силы сейчас. Да семь бед — один ответ!

Зазвучали команды. Роты стали выстраиваться к маршброску. Батареи и пулеметы вышли на ударные позиции. Забрел рассвет, мела поземка.

— А то, Бог даст, и получится, — прошептал начштаба. — Фронт менялся, окопов у немца нет. Траншей и заграж-

ФАНТАСТИКА

дений прорывать не придется. Авось повезет. Может, и пройдем по такой погоде.

Двинулись, но скоро вошли в соприкосновение с противником. Ударили орудия. Пулеметами сманеврировали, перебросили их на правый фланг. Сами залегли за насыпью железной дороги, откуда стрелять было удобнее. Вдруг рельсы завибрировали, послышался нарастающий грохот. Из зыбкого марева появилась размазанная в снежном потоке туша бронепоезда. Немецкий! Солдаты отхлынули от железнодорожного полотна, побежали к лесу. Было слышно, как на бронепоезде отдает команды старший артиллерийский офицер.

И тут над лесом показалась тунгусская «сковородка!» Низко с мерным гулом пошла она вдоль железки. Ход ее выровнялся с ходом бронепоезда. Немцы ошалело смотрели на непонятное явление. Напротив летящего аппарата двигалась платформа с броневым «домиком», из которого торчало 75-миллиметровое орудие. «Сковорода» выстрелила — «домик» снесло начисто, раздался крик ужаса. А «крылатая» батарея принялась громить бронев вагоны с артиллерийскими башнями. Один бронев вагон пробили с одного выстрела, а по второму промазали. Тогда притормозили, зависли над землей и дали сдвоенный залп. Выстрелы были непривычные — трескучие, сухие. Били как шарами огненными. Хотя стволов никаких видно не было. Через пять минут диковинного боя от бронепоезда осталась искореженная груда металла. Железка тунгусская снова зависла и стала покачиваться. Ефремов понял, что их зовут за собой.

— Ура! — завопил он что было мочи и повел свою полусотню туда, откуда пришел бронепоезд и куда теперь призывали его неожиданные союзники. Пехота потянулась за казаками. Опять прижались к железнодорожной колее и стали двигаться вдоль нее. Хунтуруки на своем летательном устройстве перевалили через насыпь и прикрывали со стороны неприятеля. Они теперь стреляли тонкими лучами, на манер пулеметных очередей, только луч ровный шел и без стрекота. Николаю показалось, что били не прицельно, больше для острастки. Летел аппарат не быстро, так, чтобы и пехота поспежала. Офицеры сориентировались и отдавали команды, перемещая батареи и создавая временные прикрития для отходящих частей. Пару раз останавливались, подтягивая отставший обоз. К полудню совсем завьюжило. Воздухоплаватели рванули куда-то, но Николай помнил, что войскам надо держаться железной дороги. Части двигались дальше. Через некоторое время вдали раздался знакомый сухой треск, и сотник понял, что их спасители подавляют немецкие батареи. Слышен был

ответный огонь. Заволновался: справятся ли неруси? Но вскоре они вернулись и продолжили их сопровождение. В одном месте летучий аппарат притормозил и стал качаться. Казак уже понимал, что это знак. Свернули на большак, правда сильно заметенный снегом. К вечеру вышли к Гомелю. Куда делась «сковорода», никто и не заметил. Радости не было границ. Из окружения вышли! Корпус почти весь погиб, а им повезло.

Про странный летающий и стреляющий объект старались не разговаривать. Только несколько человек сходили к священнику исповедаться.

— Так то ангел был, — умиленно сказал батюшка.

Кто-кто, а Николай поверить этому не мог. Он знал, что это были хунтуруки. Долго грыз себя в душе и думал: не с бесами ли связался?

Через год оторвало Ефремову немецким снарядом ногу. Пока мыкался по госпиталиям да инвалидным командам, случилась революция. Большевиков казак не принял и ушел за границу, а семья за Уралом осталась. Так больше и не свиделся ни с кем. Сначала в Париже осел, там-сям как-то подрабатывал. Потом понял, что инвалиду здесь только милостыню просить. Решил перебраться в другую местность, поближе к земле. На прощание зашел в кафе посидеть. Умопомрачительно пахли мягкие, свежие круассаны с пылу с жару. Но он взял только стакан чаю, на большее денег не было. Задумался, и вдруг входит китаец. Идет через все кафе и садится напротив:

— Пришел «до свиданья» сказать.

Николай всмотрелся, а это хунтурук окаянный!

— Ты здесь откуда?

— Домой лечу. До свиданья. Не мог улететь и не сказать. Как жив-здоров?

Ефремов грустно усмехнулся, кивнул на культу:

— Как видишь, но живой, слава Богу. Наверно, спас ты меня тогда.

— Ты меня спас. Я тебя спас. — И встал.

Казак придержал его:

— Постой. Одно мне ответь: кто ты такой?

Тот рассмеялся:

— Хунтурук я, ты же сам сказал. Работал здесь, на небе. Теперь домой лечу. На другую землю.

— Ты бес? — осторожно поинтересовался Николай.

— Нет. Хунтурук, ученый, летчик.

— Побожись.

— Это как?

Николай показал. Инородец размахисто и с каким-то удовольствием перекрестился. Тут православному полегло, и он от души сказал:

— Счастливого тебе пути. Прилетай еще.

— Нет. Все. Моя работа здесь закончена. Другие придут.

— Много?

— Мало-мало, не бойтесь. — И ушел.

Перебрался Николай Харитонович в Южную Францию. Там на ферме пристроился за лошадьми смотреть. Коной он любил — казак с ними с малолетства. Хозяин был доволен работником. Хороший конюх, хоть и без ноги.

А по вечерам пил Ефремов красное вино, глядя на закат, и думал, думал. Что не так сделал в жизни? Выходит, что все не так. Может, надо было не на запад во Францию, а на восток за Урал уходить? Не к семье даже, а в тундру. Жил бы с эвенками, охотился, рыбу ловил. Там, в тундре, и не знают, какая в стране власть. Может быть, и с хунтуруками знакомство ближе свел бы. Чем черт не шутит, и в гости бы на небо слетал. На другую землю не надо, а на небо одним глазком взглянуть — все-таки любопытно. Главное, не бесы они, это точно.

